ФИЛОСОФСКИЙ ЯЗЫК. ЕГО ЧЕРТЫ И ДИАЛЕКТЫ

П.Ю. Нешитов
Чирчикский государственный педагогический университет,
доцент межфакультетской кафедры общественных наук

Философский язык имеет ряд особенностей. Отвлеченность, отстраненность выражений составляет, пожалуй, наиболее заметную черту языка, призванного постигать начало всех вещей, сущность явлений, свойства человеческого бытия, устройство разума и реальность свободы. Благодаря отстраненности выражений философия, в отличие от иных способов познания, получает возможность прикоснуться к любому частному предмету, не замыкаясь в узких прагматических или дисциплинарных рамках.

Также философскому языку свойственна воля к точности, ясности и отчетливости. Именно эти качества, непривычные там, где для повседневных нужд хватает домашней приблизительности суждений и многофункциональных фольклорных формул, сообщают языку философов оттенок холодноватой отстраненности. Зато эти качества помогают удерживать внимание на предмете мысли, не отвлекаясь на мелкие подробности и побочные обстоятельства.

Стремление к точности, ясности и отчетливости выражений пробуждает философскую потребность во всеохватности и систематичности. Чтобы высказывание приобрело смысл, его следует поместить в контекст; философскому высказыванию необходим предельно широкий, притом обозримый контекст, охватывающий все возможные частные контексты. Чтобы высказывание сохраняло смысл, его контекст должен быть устойчивым и находиться в упорядоченных отношениях с другими контекстами, образующими уравновешенную систему. В рамках целостной системы возможно отслеживать изменения смысла, происходящие с течением времени в сознании субъекта или в процессе передачи сообщений от субъекта к субъекту.

Философское исследование разума, природы, общества нуждается в подходящем каждому предмету понятийном аппарате. В какой-то мере необходимый понятийный аппарат возникает на основе предшествующего ему естественного языка или языка науки. Отчасти же философский язык самостоятелен. Философия извлекает слова из традиционной речевой среды[1] и при помощи логически выверенного синтаксиса закрепляет за ними новый

[1] «Философия имеет право выбирать из языка повседневной жизни, созданного для мира представлений, такие выражения, которые кажутся приближающимися к определениям понятия» (Гегель Г. Наука логики, с. 156).

смысл. Эпизодически она возвращает слова обратно, тем самым оказывая влияние на понятийный состав и фразеологию научной и повседневной речи.

В тех местах, где философский язык приспосабливается к отдельным предметам опыта, уважая их самобытность, и вместе с тем доопределяет их, формируются диалекты философского языка. Этих диалектов столько же, сколько существует областей человеческой деятельности, достигших известной степени рационализации. Свои философские диалекты складываются в производящей и распределяющей экономике, в государственной и гражданской политике, в сфере социальных отношений, в нравственной, религиозной, художественной и научной культуре.

Государственный диалект философского языка: общая характеристика

Один из диалектов философского языка можно назвать государственным. Как в любом другом философском диалекте, здесь имеется достаточно отвлеченностей. Иногда это отвлеченности словесные, легко узнаваемые в потоке речи, иногда же – не столь заметные умолчания, придающие по видимости вполне конкретным рассуждениям оттенок вероятности, условности, мечтательности. При этом воля к точности, ясности, отчетливости выражений и систематичности мысли у государственных деятелей, вынужденных считаться с противоречивыми требованиями момента, проявлены слабее, чем в области чистой теории.

Высказывания в государственном диалекте философского языка вращаются главным образом вокруг вопросов о справедливом общественном устройстве, о происхождении власти, о принципах и способах ее применения, причем как постановка вопросов, так и формулирование ответов осуществляются на основе предпосылки о ведущей роли государства в политике.

Носителями государственного диалекта философского языка выступают люди, прямо или косвенно причастные к государственному управлению, включая королей, министров, президентов, депутатов, олигархов, губернаторов, судей, военных и полицейских офицеров, дипломатов, секретарей, пропагандистов, цензоров, референтов. Под влиянием специфической практики в государственном диалекте философского языка складываются профессиональные говоры со своей лексикой, синтаксисом и фразеологией.

Государственный диалект должен быть пригоден для сохранения целостности политической системы, для контроля над общественной ситуацией, которая меняется подчас быстро и неожиданно. С государственной точки зрения, сила и гибкость управляющего воздействия являются более важными качествами публичных речей и официальных документов, чем логическая связность, эмпирическая обоснованность, обыкновенное правдоподобие. Тем не менее, в обществе, которое достигло государственной стадии развития, даже самая грубая управленческая практика получает объяснение посредством ссылок на высшую целесообразность. Философия присутствует в языке государственных деятелей, распоряжающихся или служащих, через посредство идеологии.

Идеология образует общий знаменатель всех государственных текстов. В состав идеологии входят простые или сложные, гармонизированные или противоречащие друг другу, ясные или подернутые эзотерическим флером утверждения об устройстве мира и человека, о ценности политической организации, о взаимных обязательствах индивида, общества и государства. Официальная идеология может принимать разное выражение, от ритуальных формул, сопровождающих королевский церемониал, до писаной конституции, от особенностей штатного расписания на предприятиях до пропагандистских клише в кинематографе, от рекомендованного фасона школьной формы до разрешенного анекдота.

Попытки отменить государственную идеологию относятся к разряду словесных игр. Содержащийся в законодательстве некоторых стран с тоталитарным прошлым запрет на обязательную идеологию был введен для того, чтобы оградить личную свободу граждан от покушений со стороны государства, и является не чем иным, как элементом либеральной идеологии. Однако застенчивость государственного либерализма, избегающего прямо назвать себя в тексте закона, мешает ему отстаивать свои ценности. Робкую идеологию, которая оставляет общество без ясных ориентиров, вытесняют менее деликатные системы представлений, прямо заявляющие о подчинении личности националистическому или коммунистическому идеалу.

Понятийный строй государственного диалекта философского языка

Ключевое понятие в государственном диалекте – справедливость[2]. При любой форме правления и при любом политическом режиме государственные деятели обосновывают проводимую политику соображениями справедливости, которая получает значение цели всех частных мероприятий.

Понятием справедливости пользуются и ученый теоретик, и моралист, и религиозный проповедник, но, когда это слово произносит государственный человек, явственно слышен особый акцент. Государственная справедливость сопряжена с властью, а значит, с правом на насилие в отношении частного лица, с правом начальства указывать основания, формы и пределы подобного насилия.

Содержательно справедливость может быть определена по-разному. При этом в государственном диалекте речь всегда идет не об индивидуалистической, не о групповой, а об универсальной справедливости, действительной в масштабе общества в целом. Именно в рамках универсального понимания справедливости выделяются две основные теории: уравнительная и иерархическая. Различия между этими теориями связаны с выяснением того, какими благами должны быть наделены люди для поддержания общественной гармонии.

Согласно уравнительной теории справедливости, каждому человеку, как существу разумному и свободному, полагается одинаковый объем прав, прежде всего политических, затем экономических, социальных и культурных. Главным признаком справедливого общественного устройства здесь выступает равная у всех возможность участвовать в обсуждении, утверждении, применении, защите законов совместной жизни. Препятствия на пути к подобному общественному устройству двояки. Во-первых, осуществлению политического равенства могут мешать человеческие установления (рабовладение, наследственные привилегии, статусы как таковые). Во-вторых, всеобщему равенству противится природа, дающая людям неодинаковые способности и потребности. Между сторонниками уравнительной справедливости идут дискуссии, следует ли бороться за то, чтобы устранить все препятствия на пути к равенству, или разумнее сосредоточить внимание только на некоторых, например, на тех, которые возникли при участии человека.

Иерархическая теория справедливости предполагает, что наилучшая организация общества складывается при неравенстве прав у разных индивидов. Согласно этой теории, обособление и специализация руководящих функций служат приумножению блага в политике по аналогии с тем,

[2] Платон в диалогах «Государство» и «Законы» предваряет обсуждение специальных вопросов указанием на превосходную ценность справедливости. Похожим образом строит композицию своей «Политики» Аристотель.

как в экономике разделение труда ведет к росту производительности, при условии, что люди занимают определенное положение в общественной иерархии не случайным образом, а либо на основании личных заслуг, либо по признаку сословной принадлежности. Попытки построить справедливую иерархию наталкиваются на две трудности. Во-первых, можно представить много моделей стратификации с варьирующимся количеством уровней и сегментов, вертикальных и горизонтальных связей; непросто выбрать из этих моделей ту, которая обеспечит максимум общественного блага. Еще сложнее найти процедуру, позволяющую распределять индивидов по иерархическим позициям с учетом их полезных знаний и умений. Во-вторых, природа, создающая людей физиологически и психологически слишком разными для честной меритократической конкуренции, тем не менее сохраняет их достаточно похожими, чтобы они ощущали сословные ограничения как нечто искусственное, придуманное, подчас гнетущее и вызывающее протест.

В контексте политических теорий справедливости личные права могут получать абсолютное или относительное значение. В одних случаях права человека, например, право на жизнь, на свободу, на достойное обращение, трактуются как абсолютные, неотъемлемые, безусловные, в других же – как относительные, обусловленные заслугами, сословной принадлежностью или соображениями общественного блага. Соответственно, в зависимости от способа истолкования личных прав, и потребности людей подразделяются не на первичные и вторичные, а на безусловно правомерные и условно правомерные.

Вторым по значению понятием в государственном диалекте философского языка является понятие власти[3]. Рациональное обоснование политической власти, или способности к массовому принудительному воздействию, заключается в том, что это единственное средство достижения универсальной справедливости. Без политической власти не может быть ни общезначимого закона, ни систематического правоприменения.

Политическая власть принимает разные формы. Первая и самая наглядная форма власти – это насилие, физическое или вербальное, посредством приказов. Вторая форма власти имеет вид общественного договора, согласно которому участники политического процесса сознательно и добровольно принимают на себя взаимные обязательства. Третья форма власти состоит в обмане и опирающемся на него манипулировании поведением. Обман может осуществляться при помощи прямой лжи, недостаточного информирования,

[3] Н. Макиавелли в «Государе» и Т. Гоббс в «Левиафане» пытаются пересмотреть иерархию политических понятий и поставить власть выше справедливости, но тем самым лишь присоединяются к софисту Фрасимаху, уязвимость позиции которого была показана Платоном в «Государстве». Дж. Ролз и О. Хёффе возвращают справедливость на первое место в политике.

внедрения исподволь в политическую коммуникацию языка, по правилам которого предопределены одни высказывания и запрещены другие.

В тех случаях, когда практика управления противоречит официальному понятию справедливости, возникает вопрос о злоупотреблении властью. Например, в обществе, ориентированном на достижение равенства, как злоупотребление воспринимаются все попытки государства создать привилегии для отдельных индивидов, социальных групп или категорий. Меритократическое общество, благосклонное к статусным различиям, считает злоупотреблением только создание особых условий конкуренции для некоторых участников. В любом обществе, включая сословное, к злоупотреблениям может относиться управление при помощи насилия и обмана в тех случаях, когда люди самостоятельно соблюдают нормы публично утвержденного договора.

Пределы справедливого применения разных форм власти зависят от институциональных параметров политической системы, режима, существующей нормативно-правовой базы.

В поле притяжения понятий справедливости и власти приобретают конкретное значение остальные философские и политические понятия, такие как «свобода», «развитие», «суверенитет», «благосостояние», «процветание», «мир», «безопасность», «закон», «порядок». При этом по сравнению с академическими стандартами философского языка государственный диалект лексически более разнообразен. Практические соображения побуждают политиков пренебрегать требованиями словесной экономии, однозначности, стилистической совместимости. Составители официальных документов и публичных выступлений используют синонимы, омонимы, канцеляризмы, элементы профессионального жаргона и бытовой речи в большем объеме, чем этого требует научная целесообразность.

Синтаксические особенности государственного диалекта философского языка

Суждения и умозаключения в государственном диалекте философского языка строятся по правилам, которые лишь отчасти производны от логики. В значительной мере политические тексты подчинены принципам прагматичной риторики. Логическая связь между понятиями и грамматический синтаксис в государственном диалекте по возможности обеспечивают ясность, последовательность и

завершенность мысли, но также оказывают на массовую аудиторию эмоциональное воздействие, убеждают, опровергают, вызывают воодушевление или замешательство.

Соотношение логического и риторического начал в государственном диалекте меняется в широких пределах от почти научного до почти религиозного.

Законы, доктрины, проекты, программы, аналитические записки, отчеты, постановления, все государственное делопроизводство отличаются обилием сложных синтаксических конструкций. Длинные перечисления, нанизывание падежей, монотонные периоды, не характерные для повседневной разговорной, медийной и художественной речи, сами по себе выглядят солидно, внушительно, величественно. На это же впечатление работает сухой обезличенный стиль. Унификации стиля способствует то, что на композиционном уровне для государственных текстов разного жанра существуют свои традиционные решения, принятая разбивка на части, разделы, статьи, параграфы. Кроме того, аппарат государства более или менее настойчиво стремится синхронизировать по смыслу все порождаемые тексты, добиваясь соответствия между законодательством, административной и судебной практикой. Впрочем, это соответствие может быть сугубо формальным, грамматическим, а не логическим. Бюрократические ответы на запросы граждан или объединений, составленные по всем правилам композиции, с нумерацией пунктов, с указанием фактов, с цитированием законов, бывают по смыслу бессвязны, противоречивы, далеки от сути дела, по существу бессодержательны.

В устных текстах государственных деятелей пропорция логики и риторики смещается в сторону риторики. Для ораторов точная интонация важнее точного содержания. Официальные слова – поздравительные и мемориальные, программные и отчетные, агитационные и умиротворяющие, составленные заранее и спонтанные – рассчитаны преимущественно на эмоциональное восприятие и закрепление определенных поведенческих установок, поэтому, если логическая аргументация утомительна для слушателей, нарушает единство впечатления, тем более угрожает пробудить иные чувства, нежели те, которых ожидает выступающий, то ею без колебаний жертвуют. Об руку с упрощенной логикой идет нехитрый синтаксис. На площади и перед телекамерой успех приносят короткие, подчиненные внятному ритму периоды.

Политические тексты, созданные в кабинете и для кабинетной работы, нередко приближаются по тщательности

логической отделки и по сложности синтаксиса к научному стандарту. Речи с трибуны столь же часто тяготеют к софистике, которая ставит пользу выше истины и запоминающуюся фразу выше ее методичного обоснования.

Фразеология государственного диалекта философского языка

В государственном диалекте философского языка этические, политические, гносеологические понятия могут применяться в качестве рациональных единиц и в составе фразеологизмов. Государственная фразеология состоит из выражений и оборотов, утративших точность и гибкость, необходимую для познания новых сторон бытия, зато приобретших идеологическую устойчивость, чеканность, формульность, т.е. качества, которые облегчают восприятие и потому привлекательны для общественного сознания.

Предпосылкой развития государственной фразеологии является ослабление логической связи между понятиями, которые строго определены и упорядочены на уровне философской теории. Вне философской системы каждое из этих мнимо самоочевидных понятий, вступая в ассоциативные отношения с другими, обнаруживает многозначность и убедительность для людей с разными взглядами на жизнь. Результатом взаимодействия понятий в рамках государственной идеологии становятся выражения «справедливый миропорядок», «традиционные ценности», «национальное величие», «враждебное влияние», «всеобщее равенство», «национально-освободительная борьба», «патриотическое воспитание», «светлое будущее», «либеральные реформы» и т.п., меняющие окрас в зависимости от политического освещения и температуры.

Ослабление логической связи между понятиями в государственном диалекте философского языка может быть стихийным или преднамеренным. В обоих случаях логика страдает из-за практической необходимости достичь повышенного градуса эмоциональности. Авторы политических текстов, в том числе те, которые считают недопустимым прибегать к софистической хитрости в умозаключениях, для убедительности изложения используют преувеличения и приуменьшения, повторы и умолчания, апелляции к якобы общему знанию и намеки разной степени прозрачности. Кроме того, на логическую конфигурацию понятий влияют условности жанра. Например, в похвальной речи герою не находится места беспристрастной оценке его человеческих качеств, а в доктрине национальной безопасности государства – объективным суждениям о том,

какую угрозу само это государство представляет для других стран и международного порядка в целом.

Значительный вклад в образование государственной фразеологии вносит научная и обыденная речь. Вырванные из контекста экономические, инженерные, медицинские термины, слова из домашнего или дружеского обихода, цитаты из произведений массовой культуры служат материалом для изготовления устойчивых выражений, лозунгов, этикетных формул, регулярно воспроизводимых в составе идеологического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1.Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с. – С. 375-644.
2.Гегель Г. Наука логики. В 3-х т. – Т. 3. – М., Мысль, 1972. – 371 с.
3.Гоббс. Левиафан (проблема безусловности прав суверена и условности прав подданных).
4.Макиавелли Н. Государь. – М., АСТ, 2021. – 256 с.
5.Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 3. – М., Мысль, 1994. – 654 с.
6.Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 4. – М., Мысль, 1994. – 830 с.
7.Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М., Гнозис, 1994. – 328 с.
8.Ролз Дж. Теория справедливости. – М., Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.